

- Синонимия, сочетаемость, семантика английских слов и смежные проблемы : межвуз. сб. науч. тр. – М. : МГПИ, 1989. – С. 184-200.
7. Федуленкова Т. Н. Двумерные модели в фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков) / Т. Н. Федуленкова // Языки и межкультурная коммуникация: актуальные проблемы филологической науки : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – СПб. : Ленинград. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2006. – С. 117-120.
 8. Федуленкова Т. Н. Квантитативные versus лексические варианты фразеологических единиц / Т. Н. Федуленкова // Язык, культура, общество : материалы IV междунар. конф. – М. : РАН, Российская Академия лингв. наук, науч. журнал «Вопросы филологии», 2007. – С. 150.
 9. Федуленкова Т. Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии : монография / Т. Н. Федуленкова. – Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2006. – 196 с.
 10. Федуленкова Т. Н. Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема / Т. Н. Федуленкова // Вестник Оренбургского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – Оренбург, 2005. – № 4 (42). – С. 62-69.
 11. Fedulenkova T. Is Phrasology Typologically Relevant? / T. Fedulenkova // Collocations and Idioms 1: The 1st Nordic Conference on Syntactic Freezes / Ed. Marja Nenonen; University of Joensuu. – 2006. – P. 51-52.

Эмирова А.М.

УДК 894.322(092)

ПОЭТИКА ЭРВИНА УМЕРОВА: ЭЗОПОВ ЯЗЫК И ФИГУРА УМОЛЧАНИЯ

Интерференция (взаимодействие, взаимовлияние) культур проявляется в разных формах. Для эволюции культуры наиболее значимы "интимные" формы взаимодействия культур, экзистенциальным пространством которых является внутренний мир отдельной творческой личности. В данном случае речь идет о таком известном в истории духовной культуры человечества феномене, как творчество писателей, сформировавшихся на перекрестье разных культур и творивших (творящих) на неродном языке: Милан Кундера (чех), Салман Рушди (индиец), Уильям Сароян (армянин), Владимир Набоков (русский), Иосиф Бродский (еврей) и др. Данный культурный феномен наиболее выпукло явил себя на территории бывшего Советского Союза, что было следствием известных экономических и социально-политических условий функционирования советского сообщества. Произведения писателей Юрия Рытхэу (чукча), Олжаса Сулейменова (казах), Чингиза Айтматова (киргиз), Василя Быкова (белорус), Фазиля Искандера (абхаз), Анатолия Кима (кореец), Тимура Зульф리카рова (таджик) и др., написанные и изданные на русском языке, до сих пор востребованы читателем. Творчество таких писателей, как фактор и как результат межкультурного взаимодействия, является компонентом соответствующей национальной литературы и составной частью мировой художественной культуры, и в этом качестве оно должно быть предметом всестороннего объективного анализа и оценки.

Язык – инструмент писателя, с помощью которого он эксплицирует, т.е. делает доступным читателю, свой духовный мир. В поверхностной, вербальной, форме текста (в данном случае письменного) отражается внутренний лексикон писателя – его «картина мира», его миропонимание и ценностные ориентиры. Следовательно, детские восприятия мира, формирующие менталитет личности, выросшей в нормальных условиях (своя родина, любящая семья, отсутствие войны и т.п.), должны быть национально обусловленными. Однако многие из тех писателей, которых сегодня принято называть русскоязычными, выросли и сформировались в дискомфортных социальных условиях, в отрыве от своих национальных корней, часто – в смешанных семьях. У каждого из них – свой путь к русскоязычию, при этом не всегда добровольный и комфортный. (Здесь не рассматриваются неоднозначные социальные функции русского языка периода существования СССР. См. [3].)

Современная совокупная крымскотатарская литература как культурный феномен художественно неоднородна, что объясняется личностной и творческой индивидуальностью авторов, однако в ней можно обнаружить некоторые общие поэтологические особенности (особенности поэтики), обусловленные реалиями советского режима и трагической судьбой крымскотатарского народа. В крымскотатарской литературе, кроме писателей, писавших (пишущих) на родном языке, можно назвать и тех, кто писал (пишет) и на других языках: только на русском языке (Эмиль Амит, Айдын Шем, Эдем Оразлы), на русском и крымскотатарском (Шамиль Алядин, Эрвин Умеров, Сеитумер Эмин, Нузет Умеров, Таир Халилов), на крымскотатарском и турецком (Дженгиз Дагджи), на крымскотатарском и узбекском (Иса Абдураман, Шерьян Али) и др. Творчество названных писателей – крымских татар до сих пор не было объектом специального литературоведческого анализа.

Данная работа посвящена анализу особенностей поэтики русскоязычных художественных текстов писателя Эрвина Умерова, на материале которых (текстов) сделана попытка выявить и иллюстрировать оппозицию «своё / чужое» в поэтике писателя.

Эрвин Умеров (1938 – 2007) в шестилетнем возрасте с семьей, как и весь крымскотатарский народ, был выслан в Узбекистан. Учился в русской средней школе, затем в Литературном институте им. А.М. Горького в Москве (1960 – 1965). Несколько лет после окончания Литературного института жил и работал в Ташкенте, с 1968 г. и до конца жизни – в Москве. В совершенстве владел крымскотатарским и русским языками, но большая часть книг (9 из 16 своих и 26 переводных с языков народов СССР) издана на русском

языке. Свои произведения, написанные на крымскотатарском языке, сам переводил на русский язык, что указано на титульном листе его изданий: «Перевод на русский язык автора».

Активная творческая деятельность Э. Умерова пришлась на 60 – 80-е годы с их жёсткой цензурой и борьбой с инакомыслием. Несмотря на некоторую либерализацию советского тоталитарного режима периода хрущёвской оттепели и позже – горбачёвской гласности, крымскотатарские писатели старались избегать темы трагедии «наказанного» крымскотатарского народа. Несомненно, писатель опасался советской цензуры и её последствий – разного рода репрессий, поэтому в ранних публикациях избегал прямых заявлений о трагической судьбе крымских татар и даже самого этнонима *крымские татары*. Тем не менее заметно стремление писателя вывести эту проблему на свет, сделать её предметом если не обсуждения, то хотя бы напоминания.

«Своё», крымскотатарское, в поэтике Э. Умерова вплоть до начала 90-х годов проявляется прежде всего в фабуле, сюжете и хронотопе: в его рассказах и повестях описана жизнь высланных в Узбекистан крымских татар начиная с самых трудных 40 – 50-х годов («Ложь», «Третье имя») и кончая 80-ми годами («Письмо учителю», «Первый букет», «Камушки Эчкикай», «Вторая невеста» и др.). Характерной особенностью этих текстов является своеобразный приём, который условно можно назвать фигурой умолчания: ни в одном из этих произведений нет эпизодов, связанных с депортацией крымских татар; не говорится о том, как и когда персонажи с крымскотатарскими именами появились в Узбекистане. Однако тексты насыщены намёками, понятными прежде всего крымскотатарскому читателю. Например, персонажи произносят обороты, в состав которых входят грамматические формы самоидентифицирующего местоимения *мы*: *наш народ, у нас, у нашего народа* и др.: *И принесут ещё славу и честь своему народу. А я-то, старый дурак, решил было, что всё кончено, не подняться нам более на ноги...* [4, с. 11]. *У нас говорят: «Хорошему коню одной плётки достаточно»* [4, с. 19]. *У нас в народе, может, знаете, масса всяких обрядов: поминовение усопших – дуа, курбан-байрамы – праздник заклания, ураза-байрамы – праздник поста и так далее и тому подобное* [4, с. 92]. *Зимы у нас бывали довольно суровые. Но слякоти поменьше* [4, с. 198] и др.

Национальная принадлежность персонажей также открыто не заявляется, используются только словоформы *татары, татарский, по-татарски*: «*Вы ещё плохо знали узбекский, всегда и везде шпарили по-татарски*» [4, с. 10]. Ещё один приём сокрытия национальности персонажей – это постраничные сноски, в которых даны переводы встречающихся в тексте слов и оборотов из узбекского и крымскотатарского языков: узбекские слова сопровождаются внутрискобочными пометами (*узб.*), (*узбекск.*), а крымскотатарские, даже находящиеся рядом с узбекскими на одной и той же странице, поданы без помет. Ср.: 1. *Апте – тётушка*. 2. *Раис – (узбекск.) – председатель*. 3. *Чапан (узбекск.) – лёгкий стёганый халат* [5, с. 49]. 1. *Сури – широкая деревянная кровать (узб.)*. 2. *Бир чайчык берсе – принеси чайник чая* [4, с. 10]. Несомненно, это нарочитый приём, призванный привлечь внимание читателя.

Крымскотатарский мир эксплицируется в произведениях Э. Умерова также большим количеством слов и выражений, называющих этнокультурные реалии (*имам* – настоятель мечети; *ураза* – пост; *дженазе* – похороны, похоронный обряд; *ахыр заман* – конец света, светопреставление; *казий* – судья, судивший по закону шариа; *тёр* – место для почётных гостей в доме; *тёшекче* – плоский матрац для сидения на полу; *маалле* – квартал; *чаир* – дикий фруктовый сад в горах; *саз, давул, зурна* – музыкальные инструменты; *чин, мане* – частушки, исполняемые экспромтом; *хайтарма* – национальный танец крымских татар; *бурма* – мясной рулет; *язма* – разбавленный холодной водой творог; *курабие* – домашние пряники особого приготовления; *такос* – тонкая лепёшка из пресного теста; *хала* – тётушка по отцовской линии; *апай* – жена; *марама* – длинный домотканый шарф, которым женщины покрывали голову и плечи; *чарыки* – постолы и др.

В речи персонажей часто встречаются слова и обороты, свойственные речевому поведению крымских татар: обращения к близким и посторонним людям разного пола и возраста – *ага, акай, олян, кардашым, абый, апте, ханум, кызым, балам, яврум, баврым, баллар (балалар), джаным, оглум*; формулы речевого этикета, вводные слова, междометия: *хайырлы каза, валлаи-билляи, кысмет этсе, я раббим, машалла, аман, шукур* и др.

Ярким средством актуализации «своего» мира в творчестве Э. Умерова является система персонажей, которая соотносится с местом и временем (хронотопом) протекания событий (сюжетом). Персонажи – люди разных национальностей, особое место среди которых занимают крымские татары со свойственными им личными и патронимическими именами: мужчины – *Айдер, Энвер, Лятиф, Сулейман, Экрем, Ремзи, Ибадулла, Муртаза, Ильяс, Рамазан, Дагджи, Каралезли, Топчы*; женщины – *Урие, Пакизе, Анифе, Зера, Ляле, Улькер, Алиме, Зение, Джеваире* и др.

Оригинальным представляется использованный писателем приём аллюзии (здесь – явное указание на политические факты). Два рассказа имеют посвящения, содержащие официальную информацию о крымскотатарских героях: *Памяти военной разведчицы, кавалера ордена Красной Звезды Алиме Абденнановой, погибшей от рук фашистских захватчиков и их приспешников* (рассказ «Улькер, звезда недоступная»); *Памяти знатного механизатора, Героя Социалистического Труда Мустафы Чачи* (рассказ «За всё в ответе»). Данные тексты, предваряющие повествование, выполняют двойные функции – рекламную (информативную) и превентивную (предохраняющую от гнева цензуры).

Перечисленные выше языковые средства, обладающие мощной этнокультурной пресуппозицией (фоновой информацией), воссоздают объёмную крымскотатарскую «картину мира».

Особое место в творчестве Э. Умерова занимают рассказы «Одиночество» (1964), «Черные поезда» (1965), «Разрешение» (1964), «Счастливый билет (1966 – 1977)», написанные в 60-х годах, но увидевшие

свет лишь в 1991 году. Писатель не отдавал их в печать, опасаясь, что цензура их не пропустит. Тематика произведений – день выселения крымских татар («Одиночество»); по дороге на чужбину («Чёрные поезда»); режим спецкомендатур в местах высылки («Разрешение»); репрессии по отношению к крымским татарам («Счастливый билет»). В этих произведениях нет умолчаний, аллюзий и эзоповского языка, всё сказано открытым текстом: *Для крымских татар кончились первые сутки изгнания с родины и начались вторые...* [5, с. 24]. – *И ведра надо вылить... Ужасно воняют...Целые сутки не выходили из вагона* [5, с. 29]. *В определённый день каждого месяца спецпереселенцам надлежит являться в комендатуру и отмечаться, удостоверяя своей подписью, что находятся на местах поселения... Если тебе понадобится куда-нибудь поехать, придёшь за разрешением. Если даже в соседний район – должен получить разрешение коменданта. Но самовольно – не смей! Это – нарушение закона, наказуемый проступок. По особой статье. Двадцать пять лет каторги, ни больше ни меньше* [5, с. 56].

Как показал проведённый анализ, средствами актуализации «своего», крымскотатарского, в художественных произведениях писателя являются определённые поэтологические категории: фабула и сюжет (resp. хронотоп во всей сложности этого феномена – топографический, психологический и метафизический [2]); система персонажей; наименования концептов национальной культуры (материальной и духовной); формулы речевого этикета; интенциональный пафос (resp. подтекст) и др.

«Чужое», русское, представлено прежде всего константами русской литературно-художественной парадигмы (господствующего литературного направления) определённого периода и характерными для нее жанрами; это прежде всего сам русский язык со свойственными ему системами языковых категорий и изобразительно-выразительных средств.

Национальная идентификация литературного наследия Э. Умерова однозначна: он – крымскотатарский писатель, писавший на родном, крымскотатарском, и функционально активном для него русском языках, причём крымскотатарская составляющая его творчества превалирует над русской. Каждая из названных составляющих нашла свое выражение в особых поэтологических категориях.

По мнению известного российского литературного критика Л. Аннинского, вопрос об отнесённости творчества художника к той или иной культуре решается достаточно просто: принимает ли его и в какой степени эта культура [1]. Творчество Э. Умерова безоговорочно и полностью воспринимается крымскими татарами как значимый компонент своей национальной культуры.

Особенности идиостиля писателя, как известно, всегда обусловлены общественно-политическим и культурным контекстом времени, в котором он живёт и творит. Этот феномен можно назвать социокультурной универсалией. Давление идеологии, оснащённой разного рода репрессивными средствами и приёмами, особенно заметно в государствах тоталитарного типа. Думается, в 20-м веке этот феномен наиболее выпукло явил себя в условиях советского тоталитарного режима, особенно по отношению к культурам «наказанных» народов.

Источники и литература:

1. Литературная газета. – М., 2000. – № 319. – 25 января. – С. 10.
2. Тороп П. Х. Хронотоп : [Электронный ресурс] / П. Х. Тороп // Словарь терминологии тартуско-московской семиотической школы. – Режим доступа : <http://slovar.lib.ru/dictionary/hronotop.htm>
3. Эмирова А. М. Регенеративная функция русского языка в новых геополитических условиях / А. М. Эмирова // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – Симферополь, 2009. – Т. 22 (61), № 1. – С. 185-189.
4. Умеров Э. Вторая невеста. Рассказы и повесть / Э. Умеров. – М. : Советский писатель, 1984. – 368 с.
5. Умеров Э. Чёрные поезда. Рассказы и повести / Э. Умеров. – М. : Советский писатель, 1991. – 352 с.